

Святитель Иннокентий (Борисов) на Вологодской кафедре (1841-1842)

Назначение викария Киевского митрополита епископа Иннокентия на Вологодскую кафедру состоялось 1 марта 1841 года и уже 4 мая, сдав дела, владыка отправился к первому самостоятельному месту служения.

По тем временам путешествие продолжалось относительно недолго – в Вологду новый архипастырь прибыл 29 мая. Но и эти три с небольшим недели пути ценивший всякую свободную минуту владыка сумел использовать в научных целях. Проезжая через Москву, он нашел возможность осмотреть богатейшее книжное собрание Синодальной библиотеки для сбора материалов для порученного священноначалием послушания – составления «Догматического сборника».

Слава о выдающемся духовном писателе и проповеднике разносилась по всему пути следования, и везде он находил самый теплый прием. «Путь наш был очень хорош; нас везде чуть не носили на руках. Я удивился тому, как меня все знают везде и льстят», – писал владыка одному соборному старцу Киево-Печерской Лавры.

Немалую роль в этой известности сыграл ставший популярным благодаря руководству Преосвященнейшего Иннокентия журнал «Воскресное чтение». В Вологодской гимназии, к примеру, поучения из этого издания читались в воскресные и праздничные дни за литургией в гимназической церкви, так что образованной вологодской публике не надо было особо представлять знаменитого витию.

Надо сказать, что его потрясающий дар проповедничества не оскудел и на Вологодской земле. В воскресные дни, в праздники и при служении в разных храмах епархии владыка Иннокентий произносил слова и поучения. Интересной особенностью проповеди было то, что если его слово было на тему Священного Писания, то перед владыкой на амвон выходил диакон с Евангелием или Библией, оттуда проповедник читал текст, затем отпускал диакона, делал шаг к слушателям и начинал свою речь, которая слушалась в храме в полнейшей тишине.

Впоследствии лучшие из них составили особый сборник под названием «Слова к вологодской пастве», сохранивший свою ценность и поныне (книга имеется в библиотеке ВПДУ). Так, цитата из проповеди, сказанной в тюремном Скорбященском храме, приводится в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» в разделе «Преступность, наказание, исправление».

Забегая немного вперед, стоит упомянуть, что как служитель Слова, владыка уделял особое внимание, поощрял и приветствовал подобные таланты у священнослужителей епархии и преподавателей Духовной семинарии. Он почти каждую неделю осенью и зимой проводил в Архиерейском доме литературные вечера, так называемые «иннокентиевские ученые пятницы». На них присутствовали представители интеллигентного общества из лиц разных сословий, преподаватели семинарии читали свои лекции или сочинения, а священники – свои проповеди. Оживленная и умная беседа перемежалась угощением из «фруктов и конфет» и пени-

ем ставшего также знаменитым при Иннокентии архиерейского хора, исполнявшего кантаты и пьесы духовного содержания.

Наследием владыки Иннокентия как духовного писателя явились для Вологды составленные им тропарь, кондак и молитва вологодским святым, написанные им для освящения Крестовой церкви в архиерейской резиденции в честь всех святых в земле Вологодской просиявших (до этого храм был освящен в честь Рождества Христова). Именно эту молитву мы читаем теперь каждый год на крыльце Софийского собора в день памяти всех небесных покровителей Вологодской земли. А вот тропарь и кондак как-то вышли из употребления, хотя они посвящены всем святым, а не только преподобным, как это поется традиционно.

В первое время пребывания в Вологде новый архипастырь не забывал излюбленного им Киева, в котором и для которого он столько потрудился. Сохранились письма, в которых владыка интересовался жизнью Академии, спра-

шивал о здоровье своего наставника – Киевского митрополита, слал своим духовным чадам «благословение от угодников вологодских, коих у нас 70», – и с радостью отмечал, что «в том числе есть и киевские».

Наверняка бывший киевский викарий уделял особое внимание преподобному Герасиму – основателю Вологды, так как повторил его путь из Киева на север спустя почти семьсот лет.

Имея в памяти слова апостола Павла: «Братия, я не считаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели...» (Флп. 3, 13-14), деятельный и неутомимый владыка Иннокентий со свойственной ему энергией принялся вникать в жизнь епархии, требовавшей по его мнению «устроения с ног до головы», и знакомиться с Богом данною паствою. Как любитель просвещения, прежде всего он посетил семинарию и гимназию, где интересовался всем, а воспитанников принимал у себя «отечески».

Ознакомившись с городскими храмами и монастырями (сохранились слова, сказанные в Скорбященской тюремной церкви, в Успенском Горнем монастыре, в Богородице-Рождественском кладбищенском храме), вникнув в делопроизводство консистории, совершив в начале июля краткий пробный обзор ряда храмов Вологодского и Грязовецкого уездов с середины июля по начало августа 1841 года, владыка отправился в новое «странствование на несколько недель по своей епархии, которая пространством похожа на экзархию» по направлению на северо-восток.

От его пытливого пронизательного взгляда мало что могло укрыться, особенно если предмет заслуживал серьезного внимания в том или ином отношении по местным или общецерковным интересам. В нашей епархии владыка положил начало коллекции древних антиминсов, интересовался старопечатными изданиями, удивляясь тому, как много редких книг юго-западной печати сохранялось по нашим сельским храмам.

Уроженец и воспитанник юга, епископ Иннокентий поражался красотой Северной Руси (особенно его поразили величественные многовековые ели) и намоленностью ее святых мест, искренне желал достойной известности, процветания и увековечения в назидание потомкам памяти подвигов святых древности.

Посетив Тотьму и увидев сильное народное почитание преп. Феодосия, он с удивлением писал своему петербургскому другу 23 июля 1841 года о скромном положении заштатного Спасо-Суморина монастыря, имевшего вследствие этого небольшое число насельников: «Я теперь нахожусь в монастыре преподобного Феодосия Тотемского. Прекрасное место: истинная лавра! И этот монастырь – заштатный... вследствие каких-то особенных обстоятельств во время открытия мощей преподобного в царствование императора Павла I. Но неблагоприятие одного человека, лет за 40 назад, должно ли вредить святому месту? А вредит сильно. Обитель не может по недостатку людей, выдерживать с честью своего звания. Стечение народа огромное, а служить почти некому... Обретение святых мощей преподобного Феодосия было в свое время эпохой, так же, как обретение св. мощей святителя Митрофана. Посему, истинно жаль, что обитель его потом, так сказать, заброшена...».

Деятельный владыка смог найти источники содержания обители на уровне второклассного монастыря, и уже зная о своем переводе в Харьков, ходатайствовал в годовом епар-

хиальном отчете перед Синодом об изменении статуса.

Зная определенную косность Синода по отношению к нововведениям, Преосвященнейший Иннокентий предполагал возможность неуспеха этого, а также ряда других «радикальных» предложений, но в письме другу писал: «По крайней мере, я сделал свой долг перед своей епархией».

Пусть и частично, но идею владыки Иннокентия воплотил его преемник – епископ Иринарх. Монастырь так и остался заштатным, но в 1844 году там была учреждена постоянная архимандрия. Владыка также посетил в Тотьме церковь Воскресения Христова на соляном заводе, сказав там замечательное слово о «соли духовной».

Далее на пути вологодского архипастыря лежал Великий Устюг – древний духовный центр края, имевший более 100 лет своего епископа. Несмотря на эту славную историю, последнее посещение Устюга правящим архиереем, предшественником Иннокентия – епископом Стефаном, было за три года до описываемых событий, да и то из-за его болезни тогда никаких богослужений не совершалось. Поэтому своего нового владыку, известнейшего духовного писателя и проповедника, боголюбивые устюжане, конечно, ждали с нетерпением, которое усиливалось еще и тем, что епископ Иннокентий прибывал на праздник в честь местной святыни – чудотворной иконы Божией Матери «Одигитрии».

Архиерейского богослужения в этот день не бывало со времени кончины последнего Великоустюжского епископа Иоанна (1799), так что оно осталось в памяти жителей Устюга очень надолго и даже было описано в «Вологодских епархиальных ведомостях» более сорока лет спустя. Впрочем, предоставим слово очевидцу этого общегородского торжества, учителю Великоустюжского Духовного Училища.

«Наконец получены были сведения и о том, что во второй половине июля Преосвященный поедет обозреть свою епархию, и будет в Устюге. Вскоре после 20 июля получены были письма из Вологды о выезде Владыки оттуда, и что после остановки в Кадникове и Тотьме, он приедет в Устюг около 26-го июля.

По получении последнего известия, посланы были, для встречи Преосвященного на третьей от Устюга почтовой станции, депутаты: благочинный городских церквей, протоиерей И. Коржавин священник Всеградской церкви Н. Басистов. Депутаты отправились по назначению 24-го числа; 25-е прошло в нетерпеливом ожидании возвращения их, и народ, узнав о посылке депутатов для встречи Владыки, весь этот день массами гулял по набережной р. Сухоны.

Депутаты, наконец, возвратились 26-го числа, около 11 часов утра, в полном восхищении от милостивого и ласкового обращения с ними преосвященного Иннокентия, и объявили, что Владыка прибудет в Устюг не позднее двух часов по полудни.

Вот рассказ о. о. депутатов о встрече Преосвященного: «По приезде нашем на указанную станцию, мы, прежде всего, спросили здесь, не было ли кого проезжих сверху, на почтовых лошадях, и не слышно ли, когда ожидается Владыка. Нам ответили, что когда именно приедет на станцию Преосвященный – неизвестно и что проезжих, со времени отхода почты, не было, но что лошади, в потребном количестве под архиерейский экипаж, давно уже стоят готовые.

Остановились мы в другом, а не в станционном, доме и стали ждать Преосвященного, прогуливаясь от времени до

Вид на Великий Устюг с р. Сухоны

времени по почтовому тракту. В таком ожидании прошел целый день. Наступавшую ночь мы не спали, и нам было не до сна: пред восхождением солнца снова пошли по почтовой дороге, по направлению к Тотье, в одних подрясниках, в полном убеждении, что Владыка, вероятно, ночью не поедет, а если и поедет, то они услышат почтовые колокольчики и успеют к приезду его вернуться на станцию.

В разговорах, мы неприметно далеко отошли от станции и пошли обратно. Возвращаясь назад таким же шагом и разговаривая, мы вдруг услышали позади себя конский топот: оглянулись и увидели, что нас незаметно нагнал большой экипаж и остановился. Бежать было уже поздно, и мы остановились. Из экипажа вышел Преосвященный, к которому мы подошли и приняли благословение. Доложив Владыке, что мы депутаты, посланные встретить Его Преосвященство и узнать, как ему будет угодно распорядиться относительно встречи в самом городе, на пристани, мы в тоже время просили Владыку простить нас за то, что не могли встретить его надлежащим образом и в рясах, объяснив с откровенностью, от чего это произошло.

Преосвященный очень благосклонно выслушал наш доклад и объяснение, и с очаровательной улыбкой прибавил: «Ну, пойдем вместе, и вы дорогою мне расскажете, как у вас там встречают архиереев».

Услышав от нас, что для встречи их, на устраиваемую для сего против соборов пристань, отправляется из Успенского собора с чудотворною иконою Божией Матери Одигитрии, в сопровождении всего городского духовенства, крестный ход, с которым встречаемый архиерей шествует в собор, Преосвященный сказал: «Как Матерь Божия пойдет встречать меня? Нет. Я должен придти и поклониться Ей; а потому крестного хода не должно быть и его отменить». Затем Владыка продолжал, что, по прибытии на пристань, он отправится в собор; здесь встретит его обычным образом соборный причт, и, по выслушании краткой литии в храме, он отбудет отсюда в назначенное ему для жительства помещение, где и представится ему прочее духовенство. Все это высказано было мягко и благосклонно.

Ободренные таким добродушным и ласковым с нами обращением Владыки и мы сделались смелее и идя по ту и другую сторону Преосвященного, как Еммаусские спутники, отвечали на его вопросы без робости, вовсе забыв комичное свое положение, т. е. что мы были в подрясниках, а Владыка – в ряске и с архиерейской панагиею на персях.

Дойдя, таким образом, до станционного дома, мы стали просить благословения Преосвященного на обратный отъезд

Дымковская слобода

в Устюг. «Что же вы торопитесь? – сказал Владыка. – Ведь вам не поспеть туда ранее меня? Я еду скоро, без остановки». Когда же мы доложили, что лошади у нас хорошие и на прочих станциях они стоят приготовленные и что, во всяком случае, мы постараемся ускорить приезд в город ранее Его Преосвященства: то Владыка благословил и с миром отпустил нас».

Между тем граждане г. Устюга, услышав, что посланные для встречи Преосвященного депутаты возвратились и что Владыка скоро будет, массами повалили на набережную, особенно на соборную площадь, так что, без преувеличения можно при этом сказать, что потрясся весь град для встречи своего Архипастыря. На соборной площади и на набережной против соборов и гостиного ряда едва можно было проходить между собравшимся на этих местах народом.

Кто не бывал в это время в уездных городах, особенно отдаленных от губернского города, тот не может себе представить, с каким нетерпением ожидается здесь приезд архиерея и с каким благоговейным энтузиазмом встречают его. Устюг отстоит от губернского своего города в 450 верстах и в прежнее время архиереи редко посещали его. Соборный храм был переполнен, и вся соборная ограда была запержена народом.

Во втором часу по полудни 26 июля (это было в субботу) усмотрен был, за несколько верст от Устюга, по почтовому тракту спускавшийся с горы и приближавшийся к Дымкову (заречная часть города) экипаж Преосвященного. На соборной колокольне ударили в тысячный колокол, а на Дымкове, в тамошней приходской церкви, начался трезвон.

Здесь встретили Владыку архимандрит Устюжского Архангельского монастыря Августин и местный причт. Когда же Преосвященный сел в приготовленную для переправы через реку шлюпку и поплыл, тогда начался трезвон, во всем городе и народ все взоры устремил на эту шлюпку. Картина была поистине поразительная и вместе с тем умильная.

По прибытии с пристани к соборному храму, на паперти оного Преосвященный встречен был соборным причтом с животнообразным крестом и св. водою и приветствован от протоиерея В. И. Нордова речью; затем совершена была краткая лития, с возгласием обычного многолетия, после которой Владыка сказал краткое приветствие и, преподав общее благословение, отбыл в Архангельский монастырь, в котором останавливаются архиереи. Сюда отправились вслед за ним и все имеющие представляться Его Преосвященству, в том числе и училищная корпорация наставников.

В числе представлявшихся Преосвященному чинов гражданского ведомства, был окружный начальник В.; он с развязностью светского человека подставил руку свою под благословение и как скоро Владыка осенил его крестным знаменем, он в ту же минуту отдернул ее, не поцеловав руки Преосвященного. Владыка спросил В. а, какого он вероисповедания и, получив в ответ, что – «православного» – отступил несколько от него и, обратясь ко всем представлявшимся, сказал: «Господа! Всякий православный христианин, получая благословение именем Господним, как бы от самого Господа, должен целовать руку, его благословляющую. Это устав нашей Православной Церкви и его исполняет сам Государь Император». Слова эти поразили всех неожиданностью и произвели глубокое, но вместе с тем и назидательное впечатление.

Высказав означенное замечание, Преосвященный в ту же минуту с очаровательной приветливостью, попросил всех садиться, а окружного начальника В. посадил подле себя и начал беседу. Она была непродолжительна, так как время близилось к вечерне и за тем к всенощному бдению. Но и в это краткое время преосв. Иннокентий удивил всех живостью и занимательностью своих рассказов. Все только слушали и почти безмолвно смотрели на говорившего Архипастыря, боясь проронить каждое его слово.

После представления все разошлись с самым отрадным впечатлением и радостью, что Господь даровал Вологодской епархии такого мудрого и приветливого Архипастыря.

Всенощное бдение Преосвященный слушал в летнем храме Архангельского монастыря, который до тесноты переполнен был народом из всех сословий. Пели местные соборные певчие, а не архиерейские, которые, равно и прочая свита Преосвященного, путешествовавшая водою, не успела к тому времени прибыть в Устюг.

В числе сопутствовавших Преосвященному по епархии находился и нынешний правитель дел Ученого Комитета Министерства Народного Просвещения, известный археолог, П. И. Савваитов, бывший в то время профессором в Вологодской семинарии (он оставил описание своей поездки к владыкой в журнале «Москвитянин» за 1842 год).

«Пред чтением шестопсалмия вдруг отверзаются царские врата, и выходит Преосвященный в мантии. Все думали, что Владыка будет говорить какое либо поучение, но он начал читать шестопсалмие. Все обратилось во внимание, и тишина в храме сделалась такая, как будто никого в нем не было, кроме читающего. И, Боже мой, что это было за чтение! Внятное, ровное, без всякой аккламации и монотонности и каждое слово ложилось на сердце. Ни ранее, ни после не доводилось мне слышать такого чтения.

В воскресенье 27 июля, Преосвященный совершал литургию в женском монастыре. Почему последний им избран был для первого служения в Устюге, неизвестно. Полагать надобно, что Владыка, подъезжая к Устюгу с заречной стороны онога и следуя с пристани в Успенский собор, восхищен был местоположением и прекрасным видом расположенного на горе женского монастыря, который далеко виден, особенно с западной стороны и из которого весь город представляется, как на блюде.

В соборе же 28 июля предстояло празднование чудотворной иконе Божией Матери Одигитрии. Празднование это совершено было Преосвященным торжественно. На всенощном бдении, отправленном им в сослужении архимандрита

Августина, протоиерея Нордова и двух соборных священников, он выходил на литию, а, прежде пения величания Божией Матери, сам читал ей акафист пред чудотворною иконою. Стечение народа было необычайное. С теми же сослужащими была совершена и литургия, на которой владыка произнес красноречивое слово о средствах ко спасению.

Кто видел преосвященного Иннокентия во время служения и слышал произносимые им поучения, тот никогда не забудет производимого им чарующего впечатления. Если и теперь, при чтении проповедей этого знаменитого витии, восхищаешься красноречивою и до души проникающею простотою их: то что же должен чувствовать слушая его самого, беседующего с народом просто без всякого приготовления и с одним посохом в руке? А произношение его было до того увлекательное, что весь обращаешься во внимание и забываешь самое время.

Праздничное служение в соборе Владыка ознаменовал награждением протоиерея В.И. Нордова палицею и младшего священника – набедренником, а на старшего возложил Всемилоуивейше пожалованную ему пред тем сукфью. После литургии Преосвященный посетил о. протоиерея в собственном его доме и пил у него чай, а за тем отбыл в монастырь.

После литургийных богослужений, отправленных в следующие дни в Архангельском монастыре и Прокопиевском соборе, Преосвященный Иннокентий отправился в Сольвычегодск, откуда возвратился 4 августа. 5-го числа назначена была соборная панихида по почивающим в Успенском соборе архиепископам и епископам упраздненной Устюжской епархии, которая и отправлена была после литургии самим Преосвященным в сослужении всего духовенства. В праздник Преображения Господня, Владыка служил литургию в приходской Преображенской церкви, куда бывает из собора крестный ход, и здесь на малом входе произвел в протоиерея одного из встречавших его депутатов, священника Басистова; а 7-го августа после вечерни отправился из Устюга в Вологду тем же путем, коим прибыл, при огромном стечении народа из всех сословий, пожелавшего еще взглянуть на Архипастыря.

Таким образом Преосвященный Иннокентий, в оба раза, пробыв в Устюге более недели, оставив по себе неизгладимое впечатление и добрую память. Более 40 годов прошло с тех пор, но память о нем, доселе жива в современниках, чему свидетелем был пишущий эти строки в 1882 году.

Преосвященный Иннокентий, во время пребывания своего в Устюге, в подробности обозрел находящиеся как в городе, так и в окрестностях его, монастыри, все соборные и приходские церкви, даже совершил путешествие, в сопровождении архимандрита Августина и П.И. Савваитова, на то место, за 18 верст от Устюга, где по летописцу, в 1290 году, во дни праведного Прокопия Устюжского чудотворца выпала каменная туча, угрожавшая истреблением самому городу, спасенному от онаго лишь по молитвам святого.

Последствием этой поездки, по внушению Владыки, были: постройка на месте выпадения каменной тучи часовни и ежегодно совершаемый 25 июня на это место из Устюга крестный ход с чудотворною иконою Божией Матери Одигитрии, а при Прокопьевском соборе, где почивают мощи праведного Прокопия, пред входом в самый храм, утверждён на тумбе видимый знак гнева Божия – один из выпавших, камней, привезенный с того места, где устроена ча-

совня. Все это из рода в род будет свидетельствовать о времени управления Преосвященного Иннокентия Вологодско-кафедрою.

При обозрении приходских церквей в Устюге, в одной из них, Преосвященный потребовал показать ему купель. Вынесли ее, но до того была она загрязнена, что не скоро можно было узнать, из какого металла она сделана. Заметив священнику небрежность его в содержании в чистоте такого сосуда, в котором совершается одно из святейших христианских таинств, Владыка прибавил при этом, что если у него дома есть самовар, то, вероятно на последний больше обращается внимания, чем на купель, и он еженедельно чистится.

Замечание это тотчас сделалось известным по прочим церквам, кои находились далее по пути к обозрению, и причты до прибытия Владыки успели почистить свои купели, и впоследствии на них стали обращать более внимания, чем прежде.

Не оставил Преосвященный без обозрения и духовного училища, хотя время было вакатное, и для этого собраны были все наставники.

При обходе классных комнат, Владыка вдруг обращается ко мне с вопросом, не желаю ли я поступить во священника. Вопрос этот озадачил меня, и я не нашелся ничего сказать, как только то, что имею уже гражданский чин и потому не могу быть священником, (как бы считал себя исключенным из духовного сословия). Владыка улыбнулся и сказал, что это ничего не значит. Насколько Преосвященный Иннокентий, при обозрениях своих был внимателен ко всему, что только служило к охранению православия и духовенства от всяких нареканий, укажу на следующий случай.

Чрез несколько месяцев, по отъезде Преосвященного из Устюга, архимандрит Августин, к которому я зашел случайно, показал мне только что полученное им из Вологды от Архипастыря письмо, в котором Владыка, между прочим, писал, что в бытность его в Устюге, он заметил в монастырской ограде, в углу, множество пустопорожних бочек из под вина; почему рекомендовал о. архимандриту распорядиться уборкою их из монастыря и вперед не допускать хранения бочек, дабы не было какого либо нареkania на монашествующих. Действительно в монастыре отдавалось в аренду несколько палаток и подвалов под помещение запасного спирта в бочках, и затем пустопорожние бочки свозились в тот же монастырь для хранения в монастырской ограде».

Есть сведения о посещении владыкой и еще одного святого уголка вологодской земли. С 5 по 13 сентября он объезжал храмы Кадниковского уезда и вот 9 (22) сентября 1841 года накануне дня памяти преподобного Иоасафа Преосвященнейший достиг самой древней обители Северной Фиваиды – Спасо-Каменного монастыря. По случаю засушливого лета к острову открылся сухой путь с восточной стороны, и именно этой дорогой прибыл на остров архиерейский экипаж. С этого обстоятельства пути, когда по обе стороны дороги шумели воды озера, приводя на память переход древнего Израиля через Чермное море, и начал епископ Иннокентий в самый день праздника еще одно свое слово, в ко-

...Все обратилось во внимание, и тишина в храме сделалась такая, как будто никого в нем не было, кроме читающего. И, Боже мой, что это было за чтение! Внятное, ровное, без всякой аккламации и монотонности и каждое слово ложилось на сердце. Ни ранее, ни после не доводилось мне слышать такого чтения...

(Из воспоминаний П.И. Саваитова)

тором от камня-острова проводил аналогию к камню веры. Во всех поездках он особое внимание уделял детям, беседовал с ними о молитве, об Ангеле-хранителе, смотрел, носят ли кресты, а если крестов не оказывалось, то строго спрашивал с приходского священника.

Устраивая епархиальную жизнь и посещая святые места Вологодчины, деятельный епископ не забывал и о людях, способных принести пользу всей епархии, возводя достойнейших на те места, где их способности могли раскрыться в полную меру.

Так, в самые первые дни пребывания на кафедре, еще не зная лично, владыка к всеобщему удивлению, да и к удивлению самого виновника описываемых событий, перевел без всякого прошения из Великого Устюга соборного протоиерея и ректора Великоустюжского Духовного Училища отца Василия Нордова.

Говорят, этому способствовала книга «Беседы на Божественную литургию», первое вышедшее в свет издание прот. В. Нордова, которое он послал в дар прибывшему на вологодскую кафедру просвещенному Преосвященнейшему. Тот же, почувствовав талант автора, сделал его настоятелем вологодского Кафедрального собора и ректором Вологодского Духовного Училища. И как стало видно впоследствии, владыка не ошибся в выборе. Именно здесь протоиерей Василий Нордов сделался известен всей России как проповедник и духовный писатель, став, по слову современника, во истину «гордостью и славой Вологды».

Вологжане же до сих пор могут видеть памятник его хозяйственной деятельности – так называемый «шаламовский» дом возле Софийского собора, дом соборного причта, выстроенный усердием отца настоятеля.

Другим примером такого перемещения является иеромонах Палладий, прибывший из Киева почти вслед за епископом Иннокентием. При нем он быстро стал игуменом и настоятелем Арсениева Комельского монастыря, а впоследствии архимандритом Устюжского Михаило-Архангельского монастыря, где и скончался. Может быть, ничего примечательного в этом факте нет, но и этот человек, жизнеописание которого еще ожидает своего исследователя, сделал для увековечения памяти своего наставника на вологодской земле немало дело.

Благодарный своему авве, отец Палладий хранил у себя его портрет. С него-то и был впоследствии сделан список для галереи изображений вологодских архипастырей в Архиерейском доме.

Продолжение следует

Подготовил протоиерей Алексей Сорокин

Святитель Иннокентий (Борисов) на Вологодской кафедре (1841-1842)

Продолжение. Начало в «Благовестнике» № 7-9, 2008

Тонкий знаток и ценитель благолепного и осознанного богослужения и церковного пения, владыка Иннокентий и здесь потрудился немало, подняв с помощью талантливых помощников архиерейский хор на такую высоту, что «довольно обширная при архиерейском доме крестовая церковь (ныне один из залов экспозиции краеведческого музея) не могла вмещать молящихся и желавших послушать архиерейских певчих на всенощных бдениях».

Он пригласил в Вологду из ростовского Спасо-Яковлева монастыря на должность регента иеромонаха Димитрия, основательно знавшего партесное пение, имевшего замечательный тенор и «во всех отношениях прекрасного человека». Усердием владыки хор вскоре наполнился прекрасными голосами, причем бывало и так, что своим вниманием милостивый архиерей спасал их обладателей от скуки серой жизни и пьянства.

В качестве примера можно привести случай, сохраненный в памяти современников в силу яркости двух личностей – участников этого события, Промыслом Божиим, встретившихся в одном захолустном месте Вологодской епархии. Речь идет об известном солисте вологодского архиерейского хора – диаконе Неоне Клиростратове.

«У Неона как будто бы был небольшой бас и при служении диаконом казался даже посредственным, но когда он пел в хоре, а особенно, когда пел соло, он был незаменим и неподражаем. Это был певчий артист несравненный. Его заслушивались все любители и знатоки церковного пения. А когда он умер, то Преосвященный Евлампий (Пятницкий), сам отпевавший его, плакал о нем, как о родном человеке.

И вот такой-то человек был заброшен в деревню на должность дьячка к одной сельской церкви. Известно, что Преосвященный Иннокентий, не прослужив в Вологде и трех месяцев, поехал на конях для обозрения епархии... Церковь, при которой служил Неон, была на пути и подлежала осмотру ее владыкой.

Разумеется, было указано благочинным, как встречать владыку и что петь при встрече. Обыкновенно встречают епископов у ворот церковной ограды или при входе в церковь, куда и выходят священники с крестом на блюде, диакон с кадиллом и свечой, причетники с подсвечниками и кто-нибудь со святой водой и кропилом также на блюде. А когда архиерей входит в церковь, поется встречающими тропарь и кондак обычно в честь того события или святого, которому посвящен храм.

Неон думал свою думу и, не уступая убеждениям ни своего священника, ни благочинного, на встречу епископу не вышел. Тот и другой, конечно, были смущены упрямством причетника и встретили владыку молча. Но как только преосвященный Иннокентий вступил в храм, с клироса, где был Неон, раздались и запереливались такие чарующие звуки артистически запевшего причетника, каких от него и ожидать не могли. Он пел не тропарь храму, а сольное «Достой-

но есть» не то Бортнянского, не то Турчанинова. Взглянув на епископа с недоумением и боязнию, священник и благочинный, впрочем, поняли, что он не только не гневается, но даже как будто прислушивается к пению. А поющий, вдохновленный сильной композицией, неспешно поет с пылом неподдельного увлечения. Наконец, он кончил, кончил и владыка обозрение алтаря и документов. Пришло время представления владыке членов местного причта. Благословляя Неона, он спросил:

- Ты пел на клиросе?

- Я, ваше преосвященство, – отвечал Неон.

- Не желаешь ли переместиться в Вологду? – ставит другой вопрос ему владыка мудрый.

Ободренный милостивым вниманием к себе со стороны Преосвященного, заброшенный причетник тогда смело отвечал ему:

- Повелите, Преосвященнейший владыко, и я поеду с радостью.

- Готовься. Переведу, – заключил свою беседу с Неоном Преосвященный.

И Неон был переведен в Вологду, взят в архиерейский хор и посвящен во диакона к одной из приходских церквей в городе. И столько лет затем этот отец диакон, которого всегда и все так и звали, так и знали с одним именем Неона, услаждал слух молящихся в соборе своим пением, чудным пением, которого забыть не могут его современники».

А сам автор этих воспоминаний – отец протоиерей А. Яблонский, бывший во время вступления владыки Иннокентия на Вологодскую кафедру беспашабынным певчим-солистом архиерейского хора тоже испытал на себе милость епископа, надеявшегося на исправление человеческих немощей прежде всего любовью и доверием. Вот его рассказ о себе.

«В 1841 году прибыл к нам в Вологду новый архиерей, знаменитый Иннокентий (Борисов). К первому литургийному богослужению при нем архиерейский хор певчих приготовил для пения все, что казалось нам тогда лучшим по композиции и, между прочим, известный концерт «Возведох очи мои в горы», в котором сольные места поручено было исполнять мне. Не знаю, как понравилось новому владыке вообще наше пение, но по поводу концерта он спросил регента, кто исполнял в нем первое соло, не для всякого баса сольное. Регент отвечал так, конечно, как было дело и был отпущен. Это было в начале мая.

От Преосвященного весь город был в восторге, так полюбили его все, полюбили и мы, певчие. Время шло. Преосвященный служил. Мы пели. Преосвященный знал меня уже и лично. Пошли гуляния в близгородных барских поместьях, куда собиралось много молодежи, много и вообще публики. Являлась сюда для наблюдения за порядком и городская полиция в лице квартальных и частных с нижними чинами. Отправился и я, буйная головушка, на одно из них. Приятелей и почитателей моего голоса у меня было уже

много. Напоили они меня там допьяна. Между тем случился у молодежи какой-то раздор. Вмешалась в дело полиция. Мне показались действия ее грубыми и несправедливыми. Я вышел на защиту буйанов. Меня попыталась тогда полиция арестовать, а я не захотел покориться и, разбив солдат, оборвал у мундиров фалды, сорвал у властей погоны, поломал даже шашку... Но, успокоившись несколько, я понял, что наделал, понял, что меня или сдадут в военную службу бессрочно, или сошлют в Сибирь.

Что тут было делать? Меня немедленно кто-то увез в Вологду, где, переодевшись, я отправился, по совету добрых людей, пока не арестован, в консисторию и к архиерею. Здесь мне сказали, что губернатор уже был у архиерея с сообщением о моем буйстве. Страшно стало идти и к архиерею, но я, не задумываясь, решился идти, чтобы прямо покаяться в своей вине и отдать себя на суд его, если только примет, а не примет, так, значит, надо погибать. Доложили. Стою, конечно, я уже сам не свой, куда и хмель девался!

- Что сказал? – спрашиваю.

- Ничего, – ответил мне келейник, – постой и жди.

И я стоял и страдал, как никогда, но долго ли, не знаю. Послышались шаги. И вот он, от кого зависела вся моя будущность, приближается ко мне, еще издали пронизывая меня своим пламенным взором. Не ожидая более ничего, я повалился ему в ноги и не смел поднять головы до тех пор, пока он не оставил меня после долгих и горячих упреков, иннокентьевских упреков, которые жгли и стыдили. Так я и ушел от него, не дождавшись решительного слова ни в ту, ни в другую сторону.

А дело обо мне, веденное по горячим следам, по-видимому, не затихало. Скоро заговорили затем, что оно уже в Питере. Меня, однако, не арестовали. Я продолжал оставаться причетником в Козлене и архиерейским певчим. Спустя некоторое время архиерей советует мне жениться и затем немедленно делает протодиакономом. Так мое дело и кончилось в Питере, как в воду кануло, без всяких последствий и для меня, и для чинов полиции. Невероятно, но справедливо.

А как любовно и тщательно сам владыка учил меня служить, кадить и ходить в алтарях собора, если бы вы знали! – говорил... Яблонский. – Во внеслужебное время уйдет он с одним мною в собор, велит открыть царские врата и ходит, показывая, как нужно ходить, где и сколько шагов делать, где останавливаться. Кадить де учил он, не размахивая кадилом, как везде делают почти все священнослужители, а спокойно приподнимать кадило за конец цепей его, но не выше глаз, и, не отделяя локтя от руки от корпуса тела. Евангелие советовал всегда внимательно прочитывать до богослужения. Относительно же хождения в церкви вообще или так называемой «диаконой выходки», равно держания губ, рта и всего лица, чтобы все было естественно и благообразно, Преосвященный Иннокентий муштровал меня у себя в зале. Поставит меня перед зеркалом и велит читать «Достойно есть» входное в «до» октавы или говорить многолетие на высоких нотах, когда получается напряжение лицевых мускулов, и отмечает, когда я забудусь и приму некрасивое или неестественное положение в той или другой части лица.

«Ну, видишь сам, как нехорошо это», – скажет, бывало, владыка и посоветует позаботиться об исправлении...

Впоследствии, после увольнения от должности протодиакона в Вологде как вдовый человек... отец А. Яблонский принял монашество и поступил в Петербургскую Александро-Невскую лавру. Здесь были оценены по достоинству не только его голос, все еще сильный, но и прекрасная манера его служения. Так, рассказывал он своим почитателям, что однажды, когда случилось ему служить за архиерея в лавре в присутствии императрицы Марии Александровны, то он удостоился услышать из уст Ее Величества тут же в храме по оконча-

нии литургии, царское спасибо в таких выражениях: «Спасибо Вам, отец диакон, за службу и умение держать себя. Таких, как Ваш хороший голос, положим, я слыхала, но такого умения держать себя, ходить и кадить, не видала». Отзыв очень лестный не только для ученика, но и для учителя...

Любовь и забота архиепископа простирались не только на взрослых, но и на детей, которые, волею Промысла, находились близ архипастыря, и сохранились в их благодарных сердцах всю последующую жизнь. В краеведческой литературе 1885 года сохранились воспоминания одного вологжанина, который двенадцатилетним мальчиком был певчим архиерейского хора. Этот уже пожилой тогда человек считал краткий период пребывания с Владыкой Иннокентием «счастливейшим в своей жизни».

Кроме прекрасных для того времени материальных условий (светлые сухие комнаты для проживания в архиерейском доме, сытное питание и теплая и опрятная одежда), владыка не скупился на внимание к певчим – малышам. «В свободное от учебных занятий время Преосвященный давал нам книжку басен Крылова, предоставляя вкусу каждого списать одну из басен, выучить наизусть и ему прочесть, обильно награждая нас за это конфетами... Бывало, Преосвященный слушал всенощное бдение у себя в комнатах – и это для нас опять было праздником. Всенощное совершалось в зале, а Преосвященный слушал его в соседней комнате; по окончании его он выходил в залу, а из боковой двери вносился сюда громадный поднос разного рода кондитерских печений, которыми Преосвященный оделял нас собственноручно, а взрослых приветствовал ласковым словом – и затем, благословив каждого порознь, отпустил с миром».

Трогательно в этих воспоминаниях и описание болезни мальчика: «Раз осенью... я заболел... В тот же вечер Преосвященный потребовал меня к себе. Доложили, что валяется в жару и явиться не может. Он приказывает пригласить к себе регента хора... дает ему бутылку сотерна, просит отправиться в певческую бурсу, напоить меня горячим чаем с вином, уложить в постель и потеплее закрыть, заключив свое наставление словами: «Бог милостив, пройдет». Регент, конечно исполнил все буквально. Я погрузился в глубокий сон и пробудился утром в сильной испарине, а болезни как не бывало».

Справедливости ради, надо заметить, что владыка Иннокентий при всем своем человеколюбии и милости к окружавшим его людям, порой и оступившимся, мог быть очень

строгим, если дело касалось какой-либо лжи, непорядочности или нарушении корыстными помощниками его воли. Один из таких редких, но очень показательных случаев суровости наказания вологодского владыки вошел в анналы русской классической литературы и описан в 6-й главе известного произведения Н.С. Лескова «Мелочи архиерейской жизни».

Не ставя целью пересказ всей главы, приведем лишь одну цитату: «Владыка вскипел и, призвав келейника, сию же минуту избил его не только руками, но и ногами. Раздраженный епископ бил (его) до изнеможения сил... являя энергию и силу Великого Петра, несмотря на свой досадительно малый рост». Что же послужило поводом для такого поступка благороднейшего владыки, пусть читатель, не считая за труд, сам узнает из бессмертного произведения русского классика.

Таланты Преосвященнейшего Иннокентия в деле самостоятельного управления епархией не могли быть не замечены в Петербурге, и в конце декабря 1841 года в Вологду пришло известие о получении владыкой нового назначения в Харьков. Конечно, эта новость вызвала у вологжан, сердечно полюбивших своего неутомимого и заботливого архипастыря, скорбь и печаль. Но они, как могли, благодарили владыку за радость общения и молитвы.

Певчие, например, приготовили такой прощальный подарок: «Решено было между нами приготовить к отъезду владыки прощальный гимн; по настоянию товарищей брат мой написал прощальные стихи, а регент иеромонах Димитрий положил их на ноты, и мы в свое время со слезами на глазах исполнили этот прощальный гимн Преосвященному, который, выслушав внимательно, сказал: «Кто создал мо-

тив, догадаться мне не трудно, но кто писал текст?» Ему указали на брата. Потом всех нас он горячо благодарил, а брата тогда же пригласил ехать с ним к месту нового назначения, но этому воспротивились наши родители». А некоторые иподиаконы, воспитанники вологодской семинарии, не оставили своего владыку и уехали с ним в Харьков.

Прощание с паствой проходило в праздник Сретения Господня, сохранилось проникновенное слово владыки, сказанное в этот день и его собственный отзыв об этом прощании: «Если бы видели, с какими слезами она (Вологда) провожала меня!»

Несмотря на краткость служения на нашей северной кафедре и на последующее восхождение от силы в силу в других славных русских епархиях, в сердце знаменитого проповедника, духовного писателя, впоследствии героя Крымской войны, Вологда навсегда оставила свой след, о котором он сам неоднократно свидетельствовал: «...Вологда мне мила, как мил младенец матери, над рождением коего она болела своею утробой. Вологда дорога сердцу моему как мой Рувим, как начало и трудов, и веселия пастырского. После сего не без горести и грусти можно было оставить край, особенно, когда Господь видимо благословил служение мое успехом. Только назначение преемника моего послужило мне в успокоение: это один из достойнейших пастырей, каких я знаю».

Последователем владыки Иннокентия на вологодской земле стал Острогжский викарий Воронежской епархии, бывший ранее епископом Рижским – Преосвященнейший Иринарх (Попов).

Подготовил протоиерей Алексей Сорокин